

GQ

РОССИЯ

GENTLEMEN'S QUARTERLY

ИТАЛИЯ
2011

миччи
ины
рлускони
претный
м
нутри

ень
пный гид
плотским
ехам

дивная

МОНИКА

РОСКОШНЫЕ ФОРМЫ ЖИЗНИ

Новый
ДЕКАМЕРОН

10

ИСТОРИЙ

ПРО *секс*

БЫКОВ
ЕЛИЗАРОВ
ЕРОФЕЕВ
ИДОВ
ЛИМОНОВ
ПРИЛЕПИН
ШАРГУНОВ
и другие

В ПРОЕКТЕ

GQ

Gentlemen's Quarterly

10

ЛЕТ В РОССИИ

1563-3381
11008
63 33808 >

АВГУСТ 2011 www.gq.ru

ДРЕВНИЕ РИМЛЯНЕ

КОГДА-ТО ЭТИ СЕМЬИ ПРАВИЛИ МИРОМ. ОНИ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОВАЛИ ВЕЛИКИМ АРХИТЕКТОРАМ И ХУДОЖНИКАМ РЕНЕССАНСА, ИХ ИМЕНА — ГЕОГРАФИЯ РИМА. НИКОЛАЙ УСКОВ ВЫЯСНИЛ, КАК ЖИВУТ ПОТОМКИ РИМСКИХ ПАП И КАРДИНАЛОВ СЕГОДНЯ. РАДИ ЭТОГО ЕМУ ПРИШЛОСЬ ПРОНИКНУТЬ ЗА ЗАКРЫТЫЕ ДВЕРИ ЧАСТНЫХ ВИЛЛ И ПАЛАЦЦО.

FRANCESCO ZIZOLA/NOOR СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ GO-РОССИЯ

В

сякий, кто прошел Рим пешком, знает эту нестерпимую боль в ногах. Рим — это большая, тяжелая гиря, которая немилосердно тянет нас в омут прошлого. И мы безропотно тянемся. Каждый новый шаг — боль в стопанных ногах. Каждый новый шаг — это прыжок в царство мертвых, в разные его круги, овраги и щели. Рим — кладбище нашей культуры. В не меньшей степени это кладбище нашей гордости по поводу нашей культуры. И кладбище нашего любопытства по поводу кладбищ. Первые туристы появились здесь уже в Средние века, примерно полторы тысячи лет назад. Их, кстати, и привлекали сюда мертвые останки — мощи христианских мучеников.

Рим родился и умер дважды. В первый раз он родился в районе Палатинского холма. Там Ромул вспахал плугом границу первого города. Между Палатинским и Капитолийскими холмами, собственно, находился эпицентр античного Рима — дворцы

императоров, форум с его храмами, административными зданиями, алтарями и арками. В Средние века эта область почти полностью захирела, она стала могилой Античности. Тут среди обломков былой роскоши паслись козы, блудили и гадили людишки. Теперь форум с ребрами арок и берцовыми костями колонн похож на скелет какого-то огромного чудовища, откопанный и законсервированный на радость туристам. Средневековый центр Рима формировался на окраинах античного, как правило, за крепостными стенами, ибо именно там по римскому законодательству должны были находиться кладбища. А на кладбищах лежали христианские мученики. Так родился второй Рим — за пределами первого, вокруг мертвых. Впрочем, смерть в Риме светла. Если смерть есть переход в вечность, то это понимаешь именно в Риме. Здесь нет щемящей венецианской грусти, нет чахоточного надрыва Петербурга, здесь брэнность плоти побеждена духом, ремеслом и фантазией. В Риме не столько скоротечна жизнь, сколько вечно искусство.

Я очень люблю Рим. Это редкое место на земле, где я не слышу себя, не говорю с собой, не думаю о себе. Я здесь, и меня здесь нет. А есть огромное небо, рассекаемое стремительными стрижами, пинии и кислые апельсины на Авентинском холме. Плывут облака, плывут купола.

Все, что происходит с вами в Риме, происходит как будто не с вами. Наверное, поэтому люди так остервенело хотят запечатлеть себя около каждого римского камня. Они тре-

пойдет речь, много материальнее меня с вами. Их предки правили этим городом, они уже там — в вечности — на фамильных портретах, в палатцо, церквях, построенных на их деньги, в названиях улиц и целых кварталов. Римляне считаются настоящими римлянами, если они таковы в седьмом поколении. И по отцу, и по матери. Проблема лимитчиков остра здесь не первое даже столетие, а потому настоящий римлянин — это всегда человек с надежным прошлым. Но и среди настоящих существует своя иерархия. Есть «черная» аристократия — те, кто приобрел свое положение благодаря церкви. И есть «белая» — разбогатевшие торговцы, военные, банкиры. К ним относятся в целом попрохладнее. Иметь в роду папу или хотя бы двух-трех кардиналов — подлинный, чисто римский, шик. До конца 60-х гг. XX века папы держали свой двор, напомаженные монаршего, и представители «черной» аристократии сохраняли пышные придворные должности. Теперь это в прошлом. Едва ли папа вообще когда-нибудь вновь будет избран из римлян. Будущее католицизма, очевидно, за Латинской Америкой.

Свой граф

Мы сидим с графом Стефано Алуффи-Пентини в палатцо Боргезе, в закрытом и самом элитарном клубе римской аристократии. Прислуга — в кюлотах и ливреях. Подают, к моему удивлению, лосось. Не нежнейший средиземноморский сибас, а сальмон, подходящий скорее европейскому северу. Я делаю несколько смелый вывод. Все аристократы независимо от происхождения немного англомамы. На стенах — картины охоты на лис. Кстати, настоящая охота на лис разрешена теперь, кажется, только в окрестностях Рима, но доступна, разумеется, не всем желающим. В фойе клуба — внушительная галерея портретов коронованных особ Европы, здешних завсегдатаев в разные годы. Там же табличка с правилами дресс-кода: «Вечером допускаются дамы в подобающем платье, господа — в черной обуви».

Граф Алуффи-Пентини занимается исключительно интересным делом. Будучи историком искусства, глубоким, странным знатоком Рима и Италии, он основал компанию ▶

материальных, неоспоримых доказательств своего присутствия. Здесь и Цезаря. Здесь сожгли его, здесь похоронен Август, здесь и апостола Петра. Я был там, и вот он я... — словно наличие картинке делает ваше присутствие более реальным, соли и вам толику бессмертия. Жизнь о Риме сложно. О нем настолько неподражаемо прелего, что ты неизбежно чувствуешь ничтожество. Я не хотел говорить о Риме ни слова. И мало-откладывал эту статью, словенный разговор, к которому не Парадоксально, но за десять лет вования GQ в России мы успели написать о глухих местах в Тибете-Шри-Ланке, а о Риме — почти И даже теперь я успокаиваю, что моя статья не про Рим, римлян, в сущности, про те же го и я. Мы скользим по истории вещей. Мы есть, и нас уже авда, римляне, о которых

ГРАФ СТЕФАНО АЛУФФИ-ПЕНТИНИ

Внук известного археолога, участвовавшего в раскопках могилы святого Петра, — отличный проводник по тайнам Рима и Италии.

Private View of Italy. За основу Стефано взял идею Grand tour, родившуюся в XVIII веке опять-таки в Англии. Тогда образование молодого джентльмена не считалось оконченным без поездки на континент. В эпоху классицизма континент — это прежде всего Италия. В прежние времена любые двери открывали рекомендательные письма. Аристократы Европы были одной семьей. Теперь все двери открывает граф Алуффи-Пентини. Он «свой» в изолированном мире римской аристократической элиты, а блестящая рудияция, отменный английский и неримская открытость делают его «своим» за пределами Апеннинского полуострова. Впрочем, Стефано не ограничивается Римом и даже Италией, его интересы сегодня шире — Европа, которую вы не знаете. Среди клиентов графа — Мадонна и Джордж Луш, но в не меньшей, если не в большей степени он гордится тем, что за 16 лет работы организовал специальные программы для многих наиболее важных художественных научных учреждений США, таких как Музей искусств Филадельфии, Библиотека Конгресса, музей Гуггенхайма. Недавно Стефано познакомился с русской римлянкой — Натальей Тидеи, которая и пригласила американский GQ в гости в самые закрытые дома Рима.

Свой Караваджо

Первый дом, в который привели меня новые римские друзья, принадлежит князьям Бонкомпаньи-Людовизи, семье, известной с X века. В их роду сразу два папы — Григорий XIII (1572—1585), которому мы обязаны григорианским календарем, и Григорий XV (1621—1623). Последний, в частности, создал кулисы для самой блистательной эпохи в истории современного Рима — dolce vita. Район via Veneto, где тусовались звезды мирового кино конца 50-х гг., Беллини, Мастроянни, Анита Экберг, Ануэ Эме, Брижит Бардо, Джейн Фонда — это, собственно, вотчина Людовизи времен Григория XV — огромный комплекс владений семьи, который они затем потихоньку продавали. Остались названия улиц, отелей, переулков. В главном дворце Людовизи теперь находится американское посольство. А нынешние князья обитают в одном из парковых павильонов по соседству. Эта вилла была некогда построена знаменитым кардиналом дель Монте — покровителем Галилея и Караваджо. Последний написал для алхимической лаборатории кардинала фреску — «Юпитер, Нептун и Плутон». Это единственная фреска кисти Караваджо, предположительно хостел. Увидеть ее можно только по рекомендации. Впрочем, имя виллы — она называется Аугоа — дала другая фреска, кисти Гверчино — «Аврора». У Гверчино было колоритное, тем не менее он создал фантастический шедевр перспективы — уносящиеся вверх стены, кони, люди, разумеется, груди той самой Авроры.

— Посетителям в XVII веке становилось плохо. Они ватались за стены и за сердце, — сообщает мне очаро-

вательная Рита, точнее, княгиня Бонкомпаньи-Людовизи, которая напоминает мне героиню из фильмов Висконти. Она третья жена князя Николо Бонкомпаньи-Людовизи, князя Пьомбино. Предыдущая, кстати, русская, зовут Людмила. А Рита — американка. Они познакомились в Гарварде, где Рита изучала бизнес-администрирование.

— Что для вас быть принцессой?

— Я могу сравнить себя с Кейт Миддлтон, так же изменилась и моя жизнь после свадьбы. Я вступила в новый мир, в мир старины. Америка — очень молодая страна, ее история началась в 1776 году. Россия ведь страна с долгой историей. Но Италия — особый случай, Вы же понимаете.

Мой муж по-другому воспитан. Он всегда встает, когда женщина входит в комнату, целует руку. Он очень вежливый, галантный, мне нравится сама атмосфера здесь. Находясь здесь, вы словно переноситесь на много веков назад в другое временное измерение. Мне как женщине очень приятно, что со мной обращаются таким образом, что меня ценят и уважают как женщину. Мне это очень нравится. Когда я бываю в Нью-Йорке, мне кажется странным, что мужчины не пропускают женщину вперед, хлопая дверью перед ее носом. Поэтому я испытываю такое глубокое почтение к моему мужу. Его друзья допустили меня в свою жизнь. Часто им приходится объяснять мне те или иные вещи, и они относятся ко мне с огромным терпением, помогают. У нас замечательные друзья, и мне нравится Италия. Это мой второй дом, но для меня он сейчас на первом месте.

Рита, конечно, приеднается. Она из хорошей американской семьи, находящейся в родстве с потомками президентов США — Джорджа Вашингтона и Джеймса Мэдисона. Глядя на ее прекрасное вечернее платье, длинные по локоть перчатки, профессиональную осанку светской дамы и не менее профессиональную улыбку героини Vanity Fair, можно вообразить, что в жизни принцессы есть только суаре и фотосессии. На самом деле Рита положила немало сил на изучение и реставрацию своего нового дома. В этом ей помогают научная степень историка и подлинно американская энергетика. Кстати, об энергетике. Княгиня подарила мне пару выпущенных ею селективных парфюмов, названных в честь фамильных фресок — «Авроры» Гверчино и «Юпитера, Нептуна и Плутона» Караваджо. Я бы назвал их парфюмами года в моем субъективном рейтинге парфюмов. Рита полагает, что быть принцессой — огромная ответственность и перед славными предками, и перед будущими поколениями. Характерно, что наследник Бонкомпаньи-Людовизи носит семейное папское имя — Григорий.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

1. Наталья Тидеи родилась в России, но давно живет между Римом и Флоренцией. Если вы не знаете, где лучший аперитив в Риме или как найти редкий антиквариат, вам к Наталье.
2. «Юпитер, Нептун и Плутон» — единственная фреска кисти Караваджо (1597).

ФОТО: FOTOLINK (1)

НЕ Э
ья Ти
Россе
ивет
Фло
вы н
ий аг
ли ка
нтик
Ната
гер, Н
» — е
фре
жо (1

**КНЯГИНЯ РИТА
БОНКОМПАНИ-
ЛЮДОВИЗИ**

«Забота об этом доме — работа на полный рабочий день. Мы не столько хозяйева, мы хранители этого выдающегося памятника и его сокровищ».

Свой первый век нашей эры

Хозяйка следующего римского дома, в который привел меня граф Алуффи-Пентини, — полная противоположность Рите Бонкомпани. Палаццо — городское, то есть большой дом, втиснутый в плотную римскую застройку, закрывающий собой небо и солнце. При входе — панель со звонками. Часть дворца сдаётся под конторы. Среди табличек находим наконец Массимо. Нас встретила ухоженная синьора по имени Наталья с несколько испуганным выражением лица. Вероятно, я был первым русским в ее палаццо, и она, как мне показалось, ожидала встретить кого-то вроде Хрущева, только с балалайкой. Поэтому поначалу синьора Наталья была слегка скованна и холодна. Через минут пятнадцать, заметив мой интерес к мейсенскому фарфору и фрескам XVI века, она немного расслабилась. Массимо — род, который возводит себя к Квинту Фабию Максиму, военачальнику III в. до н. э., что является, разумеется, легендой. На вопрос Наполеона, правда ли это, один из Массимо ответил: «Точно не знаю, сир, но так верили в моей семье последние 13–14 веков». Легенда приписывает роду Массимо двух пап, но доподлинно известны только кардиналы. Впрочем, как и во многих дворцах римской знати, здесь есть пурпурный папский трон под балдахинном. В отсутствие викария Христа он всегда повернут к стене, дабы праздный зад не осквернил сиденье, предназначенное ангелу. Но главное — это фантастический

мозаичный пол I в. н. э., перевезенный сюда из одной загородной виллы. Нечто подобное в Риме можно увидеть только в Ватикане.

— Это не рискованно, ходить по такому полу? — спрашиваю я княгиню.

— Полагаю, к тому времени, как какое-то повреждение будет заметно, нас уже не будет. Впрочем, не думаю, что это вообще случится. Мы же не играем здесь в крикет.

Свой скелет в шкафу

Семья Патрици имеет не менее легендарные корни, чем Массимо. Она якобы восходит к одному из ноби-

СВОИ ЗАМЕТКИ

Княгиня Наталья Массимо. Римский мозаичный пол в палаццо Массимо. I в. н. э. Головая в палаццо Патрици. Маркиз предоставляет помещение для моих приемов.

2

1

3

лей V в. Палаццо Патрици тоже городское, расположено прямо напротив знаменитой французской церкви Сан-Луиджи. В ней, в частности, находится блистательная серия полотен Караваджо на сюжеты из жизни святого Матфея. С маркизом Корсо Патрици-Монторо мы стоим прямо напротив, в угловой пурпурной гостиной. Под окном — огромная колыбель на монументальных резных ножках. В старых римских семьях она заменяет рождественскую елку (я оказался в Риме вскоре после Рождества).

— Это раннее барокко, маркиз?

— Кажется, XVII век.

Конечно, у меня тоже есть новогодние реликвии. Все эти зайчики, шишечки, сосульки, доставшиеся из детства. Естественно, я до сих пор предпочитаю именно их «стильным» бутиковым шарам. Поблекшие и потертые, они тем не менее хранят отблеск того искреннего детского восторга, который, увы, давно покинул меня. Наши игрушки — это одно, максимум два поколения. Колыбель маркизов Патрици помнит минимум 24 (обычно 100 лет — это четыре поколения). Дети рождались, росли, ждали праздника, затем взрослели, ждали уже меньше, но зато ждали их дети. И так 24 раза. Эта старинная колыбель пропитана детским счастьем. Внутри она выстлана резаной бумагой, сухой травой. Там собрано множество фигурок из классического рождественского вертепа — козы, коровы, пастухи, волхвы, Пречистая Дева. Все разного времени и разной степени покоянности. Попадают и маленькие искусственные елки — дань глобализации.

Впрочем, самое любопытное во дворце связано не с рождественским счастьем, а с чисто римским горем — созданием государства Италия, которому в этом году исполнилось 150 лет. Мы стоим с маркизом в самой молодой комнате дворца, которая тщится выглядеть самой древней. Она посвящена святому Франциску и выдержана в редкой для Рима неоготике. Деревянные панели, иконы, резные завитки — все настолько средневековое, что очевидно сделано в конце XIX века.

Патрици с XVII века являлись знаменосцами Апостольского престола. Знамя лежит теперь в этой комнате, сложенное в деревянный сундук. Маркиз важно поясняет: «Это не нынешний бело-желтый флаг. Он появился недав-

МАРКИЗ КОРСО
ПАТРИЦИ-
МОНТОРО

В палатце Патрици хранится знамя Святой Римской церкви — Vexillum S.R. Ecclesiae.

у при Пие IX (1846–1878). Здесь же хранится настоя-
— красно-золотой, с балдахином и ключами святого
а. Этот флаг был еще при Лепанто!»
лагаю, маркиз имеет в виду не материю, но цветовую
у. Впрочем, меня больше заинтересовала его инто-
я. Довольно странно вспоминать какое-то сражение
года, пусть и достаточно важное, в том случае, если до-
ся сдавать экзамен по истории Средних веков. Очень
о я пойму, чем вызваны эмоции Патрици. Он расска-
ет о своем предке — Франческо Патрици, заказавшем
гранную комнату. Франческо посвятил ее своей жене,
ве Кьеры.

Франческо оставил брошюру, в которой написал об
омнату он посвятил своей жене, почему нигде нет ее
ражения. Когда 15 лет назад мы ремонтировали си-
у отопления, обнаружили вот эту стену, сломали и —
о, — смеется маркиз. — Мы нашли потайную нишу,
орой был спрятан портрет жены, — он распакивает
ь, и перед нами женщина в черном, она отвернулась
на, в руках — лорнет, в глазах — ярость.
ркиз выражается более сдержанно: «Почему, посвятив
омнату своей жене, он изобразил ее с таким выраже-
лица — очень сердитым, печальным, меланхоличным.
странно. Если ты хочешь сохранить в памяти человека,
образишь его по-другому. На то были свои причи-
нас католическая семья. Завоевание Рима Савойей
но так — не объединение Италии, а завоевание Рима
йей! — Н. У.) стало настоящей катастрофой, после этого
ение многих лет местные жители носили траур. Это

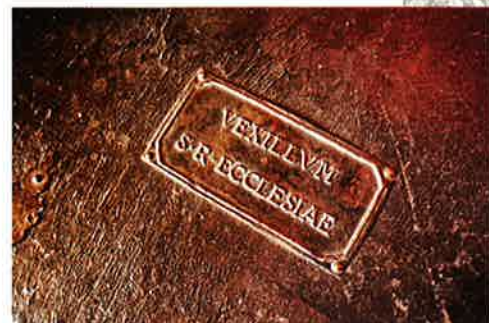
объясняет, почему Франческо запечатлел
свою жену в горе. Это горе по утрате Рима».

Своя Оливия Уайльд

Рим сожрал Лацио. Окрестности Вечного
города полны прекрасных дворцов и вилл,
но туристы, стоптавшие ноги в самом Риме,
до провинции, как правило, не добираются.
В результате жизнь там несколько захирела.
Признаться, я даже не ожидал, что в не-
скольких километрах от столицы Италии

мне доведется оказаться в кафе, где будут сидеть одни
мужчины. Колоритные итальянские старики в темных
костюмах, белых рубашках и шляпах. Открыл дверь — и все
глаза устремлены на тебя. Мы приехали в родовое поместье
князей Марескотти-Русполи в Виньянелло. Род восходит
к военачальнику Карла Великого, Мариусу Скоту, ве-
роятно, ирландцу по происхождению. Примерно 15 пап
находятся в родственных отношениях с этой семьей. Георг
Фридрих Гендель жил у одного из Русполи в его римском
палатце и написал для него более сотни кантат. Несмотря
на значительные владения, особыхходов у нынешних
князей нет. Княгиня Клаудия Русполи вспоминает:

— Когда я росла, все было совершенно по-другому. Во-
первых, в те времена было много всяких правил. Потом
у нас было много слуг. Моя прабабушка не отпускала меня
на главную площадь, я могла поехать только вместе с ней
на машине с шофером. Шофер в черной фуражке ждет нас
вот здесь, у входа. Я помню черный «мерседес», я сижу с ней
на заднем сиденье. Выезжать я могла только с бабушкой. ▶

КНЯГИНЯ КЛАУДИЯ РУСПОЛИ

уровому замку
полю примыкает
и французский
сад. И дом, и парк
открывают
и проведения част-
ных мероприятий.

Мы ездили к ее друзьям, которые жили в соседних замках, виллах, в Витербо поесть мороженое. Я чувствовала себя как в ловушке, никуда не могла выйти. Прабабушка была очень строгой, милой, но строгой, поэтому мне не нравилось сюда приезжать. Сейчас мне не нравится сюда приезжать из-за счетов, а раньше — из-за строгих правил.

— Быть княгиней затратно?

— С этим домом связано много проблем, я одна, на него уходит много денег, мне трудно справляться со всем одной. Плюс у меня проблемы с сестрой, которая является со-владелицей этой собственности. Вся надежда на молодые поколения. Наша родственница, супруга моего кузена Тао Русполи, живет в Лос-Анджелесе, она актриса, успешно снимается в кино. Ее зовут Оливия Уайльд. Она стала мега-звездой, — княгиня смотрит на меня с недоверием, знаю ли я, кто такая эта актриса из Лос-Анджелеса.

— Да, она была на обложке русского GQ. Вашему кузену повезло.

— Оливия очень богата. И часто говорит в интервью, что она из Виньянелло.

Мы разговаривали с княгиней Марескотти-Русполи в январе. Увы, в феврале стало известно, что Тао Русполи и Оливия Уайльд расстались.

Свой фамильный фетиш

Впрочем, не все римские аристократы жалуются на жизнь, хотя проблема у них одна — кэш. Папство было для римской аристократии чем-то вроде нефтяной трубы. Огромные средства стекались в Рим со всего католического мира, но перераспределялись они в пользу сравнительно узкого круга фамилий, которые по традиции участвовали в выборах папы и управлении церковью. Пока эта система работала, кэш поступал бесперебойно. Ситуация ухудшалась постепенно, чтобы стать критической в наше время. Римская

знать сосредоточила в своих руках огромные богатства — загородные поместья, дворцы, коллекции скульптуры и живописи, фамильные драгоценности. Но наличность больше не течет полноводной рекой, а капает по чуть-чуть. Все аристократы, с которыми я встречался, готовы открыть свои дома для различного рода мероприятий и торжеств. И это практически единственный способ заработать средства для того, чтобы поддерживать родовые гнезда хотя бы в относительном порядке. Надо сказать, что в отличие от Англии Италия старается сохранить наследственную собственность в руках своей аристократии. «Знать уже заплатила свои налоги, кто кровью, кто службой», — говорят здесь. Иначе все давно перешло бы к американцам, арабам и русским. Римские аристократы не задавлены налогами. Те, кто владеет историческими памятниками, пользуются существенными налоговыми льготами. При реставрации льготы увеличиваются сообразно немалым расходам. Берлускони вообще отменил налог на наследство. Тем не менее не все аристократы готовы заниматься бизнесом. В этом, видимо, состоит генетическое отличие «черной» аристократии от «белой». В семьях, которые столетиями служили церкви, собственно, были самой церковью, как-то не принято заниматься бизнесом. Это не тосканские маркизы, которые охотно производят вино и открывают спа-отели.

Я разговариваю с одним из самых богатых римских нобилей — наследником сразу нескольких знатных семей — графом Лоренцо Пуччи-Бонкамби, маркизом делла Джанга де Домо Альберини. В семье два папы. Последний — Пий XI (1922—1939) восстановил Ватикан как суверенное государство. Помимо нескольких палат в Риме Лоренцо владеет половиной города Сполето и обширной усадьбой в его окрестностях. Это триюфельные места.

— Вы занимаетесь сельским хозяйством?

— Нет.

Вы же землевладелец. Это так естественно.

На этом не заработаешь.

Ну другие зарабатывают, по-моему, весьма неплохо.

Поверьте, гораздо лучше сдавать дома в аренду. Около дома небольшая деревенька — Мартиньяно, ее упоминет еще Цицерон в I в. до н. э. Я отреставрировал дома для своих друзей. Это приносит доход.

Мы с графом едем в Сполето на его шустром Mini Cooper. По телефону он обсуждает продажу одного из своих палаццо в Сполето. Я знаю этот дом, его арендует крупный международный банк. Там еще недалеко, метрах в трехстах, где писали «Мертвые души». Граф, кажется, решает продать палаццо.

Не жалко?

Мне пятьдесят, у меня нет наследников, зачем он мне?

Как изменился образ жизни в вашей семье в XX веке?

Мы медленно привыкали к переменам. На это нужно время, потому что в нашей семье привыкли к определенному образу жизни, к определенному уровню, и вдруг появились новые времена. Маме, конечно, очень тяжело привыкнуть ко всем изменениям. Для моей мамы это был большой удар, она с детских лет играла в ватиканских церемониях как у себя дома. На всех семейных церемониях приносил папа римский. Для нее сейчас момент не самый лучший в жизни.

А для вас?

Прислуги стало меньше. Раньше было, наверное, человек 40. Теперь у меня дома одна женщина, но я легко справляюсь сам.

Как прошло ваше детство?

Няни были очень строгие, родители почти не занимались воспитанием. Все это тогда перепоручали гувернантке. Нас учили ни о ком не говорить плохо и не показывать плохой пример, особенно прислуге. Если у тебя прислуга, ты должен руководить ею, а не развращать. Если ты не можешь руководить собой и своими близкими, как ты можешь

быть затем важной государственной персоной (смеется). Нас с детства дрессировали.

— Какие у вас отношения с теми, кто работал и работает на вас?

— У нас традиция оставлять тех же людей, которые работали на наших предков, чтобы избежать проблем. Я считаю их членами нашей семьи, мы зовем их на все праздники, на мессу. Мы заботимся об этих семьях, они живут с нами на протяжении веков. Единственный верный признак того, что человек нувориш — это то, что он плохо обращается со своими людьми. С другой стороны, ты всегда под прицелом старой прислуги, потому что они первые замечают, что ты привел в дом какую-то новую девушку или еще что-то, они всегда комментируют, высказывают свое мнение. Они это делают не для того, чтобы посплетничать, просто считают себя частью твоей жизни. Я к этому привык (смеется).

Поместье Лоренцо в Мартиньяно под Сполето было построено в XVIII веке его тезкой Лоренцо Альберини в качестве дома для увеселений. Отправляясь туда, я, честно говоря, полагал, что речь идет, самое смелое, о театре. Чем еще увеселялись вельможи XVIII века? Оказалось, что Альберини был затейником. Весь дом расписан таким образом, чтобы сбить гостя с толку. Ложные двери, книги на полках и банки с травами, птицы, девушки — все в 3D. Прекрасный XVIII век, который возвел игру в принцип жизни. Но самое любопытное спрятано на третьем этаже — стены расписаны так, как будто вы оказались в женском монастыре. Сюда, разумеется, приглашались самые близкие. И, наверное, тут обходились вовсе без слуг, чтобы не подавать им дурного примера. ■

ЛОГИСТИКА

A Private View of Italy полностью организует мероприятие или тематический тур по частным историческим домам Рима, Италии, некоторых стран Европы, включая всю логистику, отели и прочее.

www.apvoi.com

КОНТАКТЫ:
Stefano Aluffi-Pentini;
вы также можете обратиться по-русски к Наталье Тидеи.

imperialviews@apvoi.com

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

1. Все стены дома графа Лоренцо покрыты росписями.
2. Граф Лоренцо Пуччи-Бонкамби, маркиз дела Дженга де Домо Альберини. На первом плане — его предок веселый Лоренцо Альберини. К фамилии Пуччи, которая входит в титул графа, принадлежал и известный дизайнер Эмилио Пуччи, граф ди Барсенто.